

ТОЛЕРАНТНОСТЬ В СОЦИАЛЬНОЙ ПАМЯТИ И ПОВСЕДНЕВНЫХ ПРАКТИКАХ СИБИРСКИХ ПЕРЕСЕЛЕНЦЕВ

Семейные истории сибирских родов послужили эмпирическим материалом для исследования социальной (в частности, семейно-родовой) памяти жителей региона. Очевидна субъективность личных документов и воспоминаний исторических фактов. Известен феномен ошибок памяти: человек может реконструировать, приукрашивать события, «забывать» неприятные моменты биографии¹. Социальная память может продемонстрировать свою избирательность. То, что запоминают люди, совершенно не тождественно тому, что фиксируют историки. Не обязательно, что люди помнят те или иные события, значимые для политических деятелей. Если эти события не отразились на повседневной жизни, семейных ситуациях, они не фиксируются коллективным сознанием группы².

События, связанные с использованием опыта памяти, разворачиваются в реальной повседневной жизни человека – социальной реальности. Это «мир здравого смысла» (А. Шютц), повседневной жизни. Здесь человек размещен согласно его уникальной «биографической ситуации», которая определяется рождением человека, его видением окружающего мира и своего места в нем. И если факт рождения объективно обусловлен географическими характеристиками, социальным положением семьи, условиями жизни и т. п., то оценка социальной ситуации и взаимодействие с другими зависят исключительно от «запаса жизненного опыта», от особенностей восприятия им реальности. Это фундамент для интерпретаций человеком всех событий, происходящих с ним и окружающими его людьми.

Речь идет не о реальности вообще, а о той реальности, которую творит человек, обращаясь к запасу знаний, интерпретируя свой новый опыт. Эта реальность иллюзорна, она существует только в сознании субъекта. Но проявлять сомнения в реальности этой реальности нельзя. У. Томас выразил это явление в следующей теореме: «Если люди определяют ситуацию как реальную, она реальна по своим последствиям». У. Джеймс отметил, что «каждый мир, пока ему уделяют внимание, является реальным на свой манер» [1]. Рассказывая о событиях, связанных с переселением их предков в Сибирь, респонденты сообщали свое субъективное, но, в то же время реальное видение ситуации на основе фактов семейно-родовой памяти.

В своем исследовании мы не склонны исправлять ошибки социальной памяти. Позиция с точки зрения феноменологического анализа семейных историй выбрана нами как наиболее адекватная для анализа исторических событий, происшедших в сибирском регионе в XIX–XX в., **отраженных в семейно-родовой социальной памяти сибиряков**³. С точки зрения такого подхода можно говорить, что судьбами наших прадедов и родителей написана история края.

¹ Забывание как одна из форм действия памяти – это избегание неприятных моментов, пережитых в прошлом. При этом материал памяти схематизируется, отдельные его части, иногда существенные, отбрасываются, новые яркие события подавляют тускнеющие старые. З. Фрейд объяснял этот процесс торможением следов в памяти на уровне сознания и вытеснением их в подсознание, где они удерживаются ценой значительных затрат энергии.

² Так, сибиряки «забыли» о факте роспуска Советов народных депутатов (1993 г.). Это событие, несомненно, было важным для страны. Но люди, поглощенные процессом выживания в условиях реформ и «шоковой терапии», не обратили на него внимания. Они не были «сопричастны» к событию. В интервью респонденты проявили полное незнание ситуации.

³ Исследование судеб сибирских родов проведено автором в 2001–2006 гг. в Кузбассе на материале 800 историй семей.

В этих судьбах отразились основные этапы заселения Сибири (крестьянская колонизация в конце XIX – начале XX вв.; ссылка; депортация «кулаков» в 20–30-е гг. и в 1941 г. и др.). Мы считаем, что истоки толерантности сибиряков следует искать, в том числе, и в социальной памяти населения, сохранившей историю о переселенческих событиях, опыт освоения новых земель и интеграции в новую социальную среду. Поэтому мы поставили исследовательскую задачу: реконструировать исчезнувший культурный мир «сибирства» с помощью методов качественной социологии. Семейно-родовая память рассматривалась нами как важный ресурс человека, семьи, сибирской территориальной общности. В настоящее время на территории к востоку от Урала сложился уникальный этнокультурный и социально-культурный облик сибиряка, основанный на фиксации национальных и региональных особенностей этнических групп.

Когда говорят о сибиряках, то подчеркивают особое качество населения огромного региона, которое выделяется традициями, структурой ценностей, общественными связями, характером, соответствующим природе, территории, и хозяйственным бытом [2]. Исследователь проблемы сибирской территориальной идентификации Н. В. Сверкунова заметила, что только в Сибири потомки белорусов, украинцев, латышей, русских, поляков, представители коренных народов, осознавая свою этническую принадлежность, идентифицируют себя по территориальному признаку, заявляя: «я – сибиряк». Это заявление включает в себя самооценку (порой, критическую) и активное отношение к другим – «несибирякам»⁴.

Толерантность коренных сибиряков сформировалась как качество социальной памяти под воздействием ряда факторов.

1. *Природно-климатический фактор* сформировал тип нового хозяина, отличавшегося от крестьян европейской части России особым достоинством, укладом и определенной свободой в жизни.

2. *Географическая удаленность*, некоторая *обособленность*, в том числе и экономическая, от центра государства заложила основу отношений дихотомии «население Сибири – жители Европейской России».

3. *Социально-политический фактор* основан на отсутствии крепостного права, на более выгодном положении крестьянства в «некоренной» России. Вольная готовность или невольная обязанность пересечь границу Урала была сопряжена с необходимостью социального «забвения» и символического «водораздела» для строительства нового опыта. Д. И. Завалишин, наблюдая переселенцев, отмечал, что этот край «переродил их радикально». Здесь «нет тупого исподлобья взгляда русского мужика, его неопрятности, неряшества в хозяйстве» [3]. Демократизм сибирской общественной жизни и нравов Н. М. Ядринцев считал следствием относительной социальной однородности.

4. *Особенности менталитета сибиряков*. Исследователи считают, что у сибиряков сформировано «понимание общности исторического прошлого». Уже к середине XVII в. складывается особый этнографический тип жителя Сибири – «сибирянина». «В русском населении Сибири... сложился особый характер, физический и бытовой; колонизация соединила в Сибири людей весьма различного происхождения и склада, которые, не сохранив первоначальных свойств, в своем взаимодействии выработали новые черты на русской племенной основе» [4]. П. А. Кропоткин отмечал, что «сибиряк смотрит бодро, весело», губернатор Енисейской губернии Степанов пишет о сибиряках: «Они острые и насмешливы». И если поступки европейских крестьян, по его словам, «сиротливы и дерзки», то сибирский крестьянин «свеж умом и смел в объяснениях». Путешественники и чиновники отмечали зажиточность, хлебосольство и чистоплотность сибиряков в быту (В. В. Струве, Д. И. Завалишин).

⁴ Это отношение лежит между двумя полюсными позициями, отраженными в повседневных практиках, описанных респондентами: «Дальше Сибири не сошлют» и «Понаехали тут». При этом, позиции коренных сибиряков в большей степени склоняются к первому полюсу.

Коренными добродетелями сибиряков считают гостеприимство и сострадание. «Они ссыльных называют не иначе, как несчастными и готовы помочь бедным, бесприютным» (губернатор Степанов). Вот свидетельство остроумного неповиновения властям, приказу, запретившему открывать беглым каторжанам двери, кормить их. Жители Восточной Сибири проделывали в дверях домов маленькие оконца, в которые подавали беглым молоко и хлеб или оставляли пищу на ночь за дверью. Вот такая гуманная альтернатива заработкам сибиряков на отстреле по приказу властей «бродяг» – крестьян, приехавших в Сибирь «самотеком».

5. *Мирное сосуществование этносов* определяло межнациональное общение в Сибири как ассимиляционный процесс. Областники подчеркивали наличие общесибирских культурных интересов «без национальной подкладки». Колонизация Сибири способствовала быстрому экономическому росту, созданию специфического уклада жизни, высокая пассионарность переселенцев – формированию особого социального характера населения. Сибирь представляла собой большой котел, территорию без национальных и конфессиональных границ, где сложилась еще одна черта сибирства – сибирская расовая толерантность. Бесконечные волны вольных и невольных переселенцев сталкивались и перемешивались в единую массу: русские и кавказцы, жители прибалтийских губерний и башкиры, евреи и малороссы, общаясь, нивелировали национальные и религиозные различия. Это и сегодня определяет поведение сибиряков по отношению к мигрантам: сыну и внуку переселенца легче понять трудности, связанные с интеграцией человека в новую социальную среду. Смешение религиозных направлений, исторически сложившееся на территории Сибири, определяло также толерантность конфессиональную.

6. *Многослойность исторического формирования социальной семейной памяти сибиряков в процессе заселения края.* Исследователи обращают внимание на особенности продвижения «великорусской этнопопуляции» за Урал. Проводятся исторические параллели процессу продвижения русских на восток (например, хронологическое совпадение со временем основания англосаксами первых европейских колоний в Северной Америке). Эта параллель представляется оправданной. Сибирская общность сформировалась на основе мощного слоя вольных переселенцев. Вольная крестьянская колонизация принесла «ген» энергии, мобильности, инициативы в сибирский характер, отличающийся широтой души, любовью к порядку и справедливости [5]. Казачьи форпосты граничили с поселениями перемещенных и беглых старообрядцев. С середины XIX в. в сибирский социум влились представители разных сословий, «наказанные» Сибирью.

В конце XIX в. за Урал хлынула новая волна отдельных крестьянских семей и целых кланов. К 1889 г. процесс вольной крестьянской колонизации завершился, и началось воплощение проекта государственной переселенческой политики. С этого времени мигрантов стали называть «поздними переселенцами». Несмотря на неоднозначные отношения коренных сибиряков с новоселами, в процессе совместного проживания, обмена культурными традициями и обычаями социокультурные различия выровнялись. Сегодня потомков коренных жителей края и «поздних переселенцев» объединяют подвижный фенотип, обусловленный контрастностью климата, высокая адаптивность, переданная внукам, социальная терпимость, гостеприимство.

7. *Специфика отношений с церковной властью.* Долгое время Русская православная церковь не могла достойно обеспечить жителей отдаленных районов государства священнослужителями. Духовное сознание сибиряков традиционно находилось в конфликте с концепцией официальной церкви. Д. И. Завалишин отмечал, что особой набожности (которую в дальнейшем проявляли «поздние переселенцы») в сибиряках не заметно. Потомки коренных сибиряков, долгое время обходившиеся без

церквей и священников, «строили церковь в душе своей» и искренне верили в действенность молитвы перед домашними иконами⁵.

На другом полюсе в вопросах сохранения глубоких религиозных чувств находились старообрядцы, составлявшие серьезную конкуренцию русской православной церкви. Это сформировало в их потомках самодостаточность, непреклонность, самостоятельность в хранении обретенной истины, честность, даже в мелочах.

8. *Сибирский менталитет* – опыт предков, сформировавший основы национального характера и мировосприятия. На него оказывает влияние, в свою очередь, образ мышления этнической группы, ее общая духовная настроенность – ментальность. «Без опоры на знание общественной ментальности любые управленческие решения, революционные и реформаторские “исторические сдвиги” лишь случайно могут быть успешны и соответствовать замыслам их организаторов» [6].

В XX в. традиции процветания сибирства подверглись серьезной трансформации. Ощущение перемен нависло над налаженным сибирским семейным укладом в 20-е гг., которые стали рубежом смены источника и форм пополнения переселенцев за Урал. В сибирскую деревню стали приезжать семьи не по своей воле. К насильственному перемещению в Сибирь населению в 20–30-е гг. применялся практически единственный способ – геттоизация в образе спецпоселений.

В. И. Ленин отмечал, что сибирские крестьяне «менее всего поддаются влиянию коммунизма», потому что «это – самые сытые крестьяне» [7]. Согласно фактам, изложенным в семейных историях, сибиряки не поняли смысла революционных событий. В зажиточной сибирской деревне эти события не привели к политическому расколу⁶.

Экономика советской России к концу 1927 г. пришла в совершенное расстройство. Крестьянство перестало поставлять зерно, надеясь на лучшие условия продажи. Урал и Сибирь рассматривались правительством как «последний резерв». Зажиточные сибиряки были названы кулаками.

В январе 1928 г. началась кампания хлебозаготовок, в методы которой активно включались обыски, конфискация скота, облавы. «Большинству крестьян был нанесен психологический удар. Сельские хозяева, успевшие привыкнуть к определенным советским гарантиям, неожиданно обнаружили, что никаких гарантий больше не существует. Отныне власти запрещают земледельцам распоряжаться плодами своего труда. ...Кто не согласен – у того отнимали силой и сажали по 107 статье» [8].

Разгромив наиболее зажиточных земледельцев, в следующем году власть перешла в наступление на «средняков» и «бедняков».

Терпеливые и смекалистые сибиряки не стали устраивать бунты протеста, ограничиваясь поджогами сельсоветов, хождением возбужденной толпой к «начальству». Защищая свои семьи от возможности раскулачивания, крестьяне уничтожали скот и птицу, распродавали свое имущество или раздавали его односельчанам, отказывались

⁵ На отсутствие у населения твердых знаний о христианстве жаловались священнослужители прошлого, сетуют и поныне. Одна из респонденток, старая женщина крестьянского происхождения на вопрос: «Что есть святая Троица?» ответила: «Иисус, Дева Мария и Николай-угодник». Эти знания, видимо, она получила в своей семье. И сегодня среди населения ходят рукописные молитвы, которые строением и содержанием больше похожи на языческие заговоры. Никакая просветительская деятельность церкви не могла искоренить такое вольное обращение с фундаментальными вопросами православных догматов.

⁶ Интересным является тот факт, что в семейных историях, рассказанных представителями старшего поколения среди стольких дат, важных для жизни семей независимо от их социального статуса, нет ни одного упоминания о революции 1917 г., если эта дата не связана с личностными событиями семейной жизни (рождение, заключение брака, смерть родственника). Революционный год отмечают только те респонденты, родственников которых он застал на территории южных российских земель или Средней полосы России и их семьи оказались в Сибири. Такое судьбоносное историческое событие осталось незамеченным и непонятым на уровне семейной памяти и семейного мировосприятия. Грандиозные социальные катаклизмы, потрясавшие Европейскую Россию, никак не отразились на мировосприятии сибиряков, не сохранились ярким пятном в семейной памяти.

от наемной рабочей силы, что в первое время защищало их от бесчинств властей. Но в дальнейшем, осознав крайнюю ненадежность этих средств, выгоняли со двора скот, и, собрав дорожные узлы, бежали из деревни. В майской кампании раскулачивания 1931 г. крестьяне продемонстрировали апатию и бессилие в противостоянии с новой властью. «С обреченной покорностью они готовились к ссылке... немалое число кулаков добровольно прибывало на сборные пункты для отправки на север» [9].

Крестьяне стали вступать в колхозы, чтобы защитить семьи от полного разорения. Оживился брачный рынок: «богатые» стали спешно заключать браки с женихами или невестами из бедных семей.

Мы наблюдаем резкое изменение перемены поведения от демонстрации свободы и независимости к «угрюмой покорности» силам, разрушающим столетия достойной жизни. Загадку такого изменения социального поведения давно пытаются решить историки. В социальной памяти сибиряков запечатлелись чувства обиды, разочарования от потерь, непонимание причин их разорения. Сибиряки демонстрировали пластичность толерантности, ее оборотную сторону.

Основной лейтмотив семейных историй, относящихся к предвоенному времени – страх. Сибиряки дистанцировались от власти, не идентифицировали себя с ней. Власть – это нечто, разрушающее их уклад, мешающее счастью, что-то вроде дождливых дней во время сенокоса. Перетерпи, все пройдет, а там – может и наладится⁷. Даже респонденты-активисты хлебозаготовок, «общинники» не причислили себя к власти.

Военный период – еще один пик проверки социальной терпимости сибиряков. Зимой 1941 г. в сибирские селения стали поступать депортированные из Поволжья немцы. Потомки этой этнической группы сохранили в памяти неприязненное отношение к себе со стороны местного населения. «В период адаптации в местах спецпереселений отношения с местным населением сразу по прибытии стали напряженными, к ним относились, как ”фашистам”⁸. Имели место случаи обострения, вызванные первыми «похоронками» с фронта.

Итак, мы рассмотрели несколько критических периодов формирования сибирской толерантности. Сегодня можно говорить о продолжении дистанцирования сибиряков от центральной России, несмотря на политические маневры местной власти. Сибиряки сдержанно, без особой неприязни относятся к вновь прибывающим группам мигрантов, с пониманием относятся к их проблемам и трудностям, но в повседневной жизни скептически воспринимают «судьбоносные» решения власти. Государственная администрация, живущая за Уральским хребтом, чувствует эту позицию. Вот цитата из статьи чиновника правительственного комитета. «Интеграцизм... населения региона (сибирского. – Л. Л.) базируется на двух основных постулатах, принимаемых как данность, во-первых, на осознании себя совершенно особой, отдельной и специфичной составляющей населения России. Средний житель региона не только рефлексует реальные отличия (например, малую выраженность расистских стереотипов), но и предпочитает считать себя “иным” – более честным, прямым, открытым, доброжелательным и корпоративным, не-

⁷ Для историй типично следующее высказывание: «Власть мы боялись! Власть-то их была, начальства!» (М. К. Соломатова, 1914 г. р.). В повседневных практиках сибиряков выработалась технология выстраивания отношений с властью: говорить можно... шепотом. «Народ стал всего бояться. В селе говорили только шепотом» (А. Т. Атучина, 1924 г. р.), «слова лишнего боялись сказать».

⁸ «Моя бабушка была против брака своей дочери с репрессированным немцем, так как считала его фашистом». (Из семейной истории Юрковых). «Мой дед Иоганнес родился в 1898 г. Когда началась война, его на фронт не взяли, так как он был немцем. ...По указу ПВС СССР от 28.08.1941 г. семья Кобер вместе с другими немцами отправлена на поселение в Сибирь. По распределению наша семья попала в Кемеровскую обл., Крапивинский район, приписана к Банновскому совхозу. Не зная русского языка, трудно было общаться с местными русскими, со стороны которых отношение было враждебное и презрительное. Семья оказалась в тяжелом моральном и финансовом положении. Но они стали жить и работать в совхозе, выучили русский язык, однако никто из детей не имел возможности получить образование. Своим трудом и упорством семья Кобер заслужила авторитет и доверие у соседей» (из семейной истории Кобер).

жели жители центральной России, во-вторых, на осознании своего противопоставления центральной власти, ее репрессивному аппарату и, в известной мере, жителям центральной России. Иного, впрочем, трудно было бы ожидать от людей, чьи предки (если не они сами) были либо сосланы, либо депортированы, либо, (в лучшем случае) были экономическими беженцами с территорий, находящихся под плотным контролем центральной власти» [10].

Подводя итог, можно говорить о традиции толерантности, сформированной социальными и географическими факторами и воплощенной в повседневных социальных практиках сибиряков. Основой данных практик является социальная память, проявляющая себя в семейных традициях, обусловленных объективными условиями проживания: климатом, рельефом местности, спецификой флоры и фауны, а также этнокультурной средой.

Литература

1. James W. *The principles of psychology*. – N. J.: Plenum Press, 1980. – P. 293.
2. Сверкунова Н. В. Региональная сибирская идентичность: опыт социологического исследования / ред. А. О. Бороноев. – СПб.: НИИ Химии СПбГУ, 2002. – С. 6.
3. Завалишин Д. И. Описание Западной Сибири. – М.: Тип. Грачева и комп., 1862. – С. 90.
4. Пыпин А. Н. Сибирь и исследования ее // Вестник Европы. – 1888. – Т. 2, – кн. 4. – С. 684–724.
5. По свидетельству П. А. Ровинского, «Отправившиеся... в Сибирь наши северяне и между своею братиею были недюжинные люди, бывалые и опытные... притом люди вольницы, не терпевшие никаких стеснений». См.: Ровинский П. А. Очерки Восточной Сибири // Древняя и новая Россия. – 1875. – № 1. – С. 82.
6. Кукушкин В. С. Этнопедагогика и этнопсихология / В. С. Кукушкин, Л. Д. Столяренко. – Ростов н/Д: Феникс, 2000. – С. 145.
7. Ленин В. И. Полн. собр. соч. – Т. 39. – С. 40, 241.
8. Папков С. А. Сталинский террор в Сибири. 1928–1941 гг. / С. А. Папков. – Новосибирск: Изд-во СО РАН, 1997. – С. 13.
9. Там же.
10. Павленко С. Центр – регионы: Кто кого? // Международная жизнь. – 1993. – № 4. – С. 92.